УДК 1

Крылова Э.А.

аспирант 3 года обучения

кафедра философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

(г. Нижний Новгород, Россия)

ПРЕДЕЛЫ ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Аннотация: *рассматриваются методологические пределы философской интерпретации эмпирических результатов в экспериментальной эпистемологии. Показано, что статистически устойчивый эффект не тождествен философскому выводу: между данными и теоретическим тезисом находятся операционализация, проверка валидности, объяснение механизма и нормативная аргументация. Предлагается двухконтурная модель оценки. Эмпирико-методологический контур устанавливает надёжность результата, концептуально-нормативный — его философскую релевантность, связующим звеном выступает анализ конкурирующих объяснений. Выделяются типичные ошибки перехода от данных к философскому тезису. Делается вывод о функциональной, но не абсолютной универсальности эмпирического метода: он применим к фактическим предпосылкам философских аргументов, но не заменяет концептуальное и нормативное обоснование.*

Ключевые слова: *экспериментальная эпистемология, эмпирический метод, операционализация, валидность, философская интерпретация, двухконтурная модель, анализ конкурирующих объяснений, концептуальное обоснование, нормативное обоснование.*

Введение.

Экспериментальная эпистемология ставит перед философской методологией вопрос не о допустимости эмпирических методов как таковых, а о статусе вывода, который на их основании формулируется. Исследование может быть статистически корректным и при этом иметь ограниченное философское значение, если измеряемый показатель не соответствует тому понятию, которое

требуется для аргумента. Поэтому исходный вопрос должен звучать так: какую именно часть философского рассуждения способны подтвердить, ограничить или уточнить данные, полученные эмпирическим путем?

Современный экспериментальный поворот расширяет набор эмпирически проверяемых предпосылок философских аргументов [1, с. 931–944, 4, с. 29–53]. Однако распределение ответов участников само по себе ещё не является тезисом о знании, обосновании или рациональности. Цель статьи — определить условия, при которых эмпирический результат получает философскую значимость, и предложить процедуру проверки переходов от философского вопроса к измерению и от измерения к выводу.

Работа носит теоретико-методологический характер. Научная новизна связана с двухконтурной моделью оценки: первый контур относится к надёжности эмпирической процедуры, второй — к обоснованности философской интерпретации. Между ними помещается объяснительный анализ, не позволяющий автоматически отождествить наблюдаемый эффект с предполагаемой причиной.

1. Эмпирический результат и границы философского вывода.

Эмпирически проверяемы прежде всего утверждения фактического типа: о распространённости интуиции, реакции на формулировку сценария, доверии к источнику или различиях между группами. Если аргумент содержит предпосылку «компетентные носители языка обычно оценивают этот случай так», её можно проверять. Но даже опровержение такой предпосылки затрагивает прежде всего фактическое основание аргумента, а не автоматически всю теорию знания.

Это видно в исследованиях практических ставок. Су У показывает, что данные о связи между знанием и действием допускают интерпретацию, совместимую с эпистемическим пуризмом [8, с. 304–332]. Один и тот же паттерн ответов может объясняться изменением эпистемической оценки, коммуникативной нормой или вниманием к альтернативам. Сходным образом

Фауст и Мил показывают полезность метанаучных данных для философии науки [2, с. S185–S196], но частота практики или типичная модель решения не превращаются автоматически в нормативный стандарт.

2. Операционализация и валидность как предел интерпретации.

Проблема интерпретации возникает уже на этапе операционализации. Понятия «знание», «обоснование», «рациональность» и «доверие» не наблюдаются непосредственно и заменяются индикаторами: ответом на вопрос, выбором варианта, шкалой или особенностями языкового употребления. Поэтому эксперимент содержит не только эмпирическую, но и концептуальную гипотезу — предположение, что выбранный индикатор действительно представляет исследуемую философскую характеристику.

Ответ на вопрос «знает ли персонаж, что p?» способен отражать уверенность, воспринимаемый риск, моральную оценку, доверие к источнику или уместность слова «знать». Отсюда четыре требования. Концептуальная валидность связывает понятие с индикатором, внутренняя отделяет исследуемый фактор от сопутствующих изменений, внешняя ограничивает перенос результата на иные группы и формулировки, интерпретационная валидность соотносит обнаруженный эффект с конкретным философским тезисом.

Глакин дополнительно показывает, что ответы участников могут иметь выразительный характер и зависеть от отношения к социальной или ценностной стороне ситуации [3, с. 909–931]. Поэтому самоотчёт следует трактовать как данные о реакции участника в заданном контексте, а не как непосредственный доступ к «структуре понятия». Чем сильнее философский вывод, тем более строгим должно быть обоснование связи между понятием и измеряемым показателем.

3. Объяснительный и нормативный разрывы.

Даже при удовлетворительной операционализации эксперимент обычно устанавливает лишь то, что при изменении условия X меняется показатель Y. Из этого ещё не следует, почему изменение произошло. Один эффект может быть совместим с несколькими механизмами, имеющими различное значение для философской теории. Поэтому необходимо различать эмпирический уровень — фиксируемый эффект, объяснительный — гипотезу о механизме, и философский — вывод о значении результата для понятия или теории.

Второй разрыв возникает при переходе от описания к норме. То, как люди фактически оценивают убеждение, не тождественно ответу на вопрос, как они должны его оценивать. Симион рассматривает отношение к свидетельствам именно как нормативную проблему: наличие доступного основания связано с вопросом о должной эпистемической реакции [7, с. 203–216]. Эмпирические данные могут показать устойчивость или распространённость поведения, но нормативный вывод требует самостоятельной аргументации.

Конструктивную роль данных позволяет сохранить концептуальная экспликация. Шеперд и Джастус показывают, что X-Phi может участвовать в карнаповской экспликации: эмпирические сведения выявляют особенности и неоднозначности исходного понятия, тогда как выбор уточнённой конструкции определяется также теоретическими и нормативными критериями [6, с. 381–402]. Эксперимент тем самым ограничивает множество допустимых интерпретаций, но не становится окончательным философским арбитром.

4. Двухконтурная модель оценки.

Для систематизации требований предлагается двухконтурная модель. Первый, эмпирико-методологический контур отвечает на вопрос: что именно установлено и насколько надёжно? Здесь оцениваются операционализация, дизайн, контроль альтернативных факторов, свойства выборки, воспроизводимость и устойчивость результата. Положительное прохождение

этого контура означает только, что определённый эффект надёжно зафиксирован в пределах выбранной процедуры.

Второй, концептуально-нормативный контур отвечает на вопрос: почему установленный факт имеет значение для конкретной философской проблемы? Необходимо показать, какую предпосылку теории затрагивает результат, не подменено ли понятие его индикатором, какие объяснения остаются возможными и требуется ли дополнительный аргумент для нормативного вывода. Методологически сильный эксперимент может быть философски малозначимым, если эта связь не установлена.

Связующим элементом выступает объяснительный анализ. Он проверяет четыре отношения: «понятие — индикатор», «фактор — эффект», «эффект — механизм», «механизм — философский вывод». Неопределённость любого звена должна ограничивать силу заключения. Это позволяет заменить общий спор о полезности экспериментов диагностикой конкретного места, в котором аргумент становится недостаточно обоснованным.

5. Процедура проверки философской интерпретации.

Двухконтурная модель может использоваться не только для ретроспективной критики, но и как рабочая последовательность проектирования исследования. На первом шаге формулируется философский тезис и из него выделяется фактическая предпосылка, действительно допускающая эмпирическую проверку. На втором шаге определяется индикатор и отдельно обосновывается, почему он представляет нужный аспект понятия. На третьем проверяется, позволяет ли дизайн отделить влияние исследуемого фактора от альтернативных причин. Только после этого статистический результат становится основанием для постановки объяснительного вопроса.

Следующий этап состоит в сравнении конкурирующих механизмов. Здесь важно не просто предложить наиболее привычное объяснение, а указать, какие дополнительные наблюдения различали бы альтернативы. Если данные одинаково совместимы с несколькими механизмами, философский вывод должен

сохранять условный характер. Аналогично отрицательный результат не означает автоматического опровержения теории: отсутствие ожидаемого эффекта может быть связано как с ошибочностью фактической предпосылки, так и с неудачной операционализацией, слабой манипуляцией или ограничениями выборки.

На последнем шаге определяется сила допустимого философского заключения. Если установлена лишь реакция конкретной выборки, вывод должен оставаться описательным. Если результат устойчив при изменении формулировок и подтверждено объяснение механизма, допустим более общий тезис о факторах эпистемической оценки. Переход к нормативному положению требует ещё одного явного аргумента, связывающего обнаруженный механизм с критерием рациональности или обоснованности. Такая процедура реализует принцип пропорциональности: сила вывода должна соответствовать числу и качеству обоснованных переходов между данными и философским тезисом.

6. Типичные ошибки интерпретации.

Из модели следуют пять типичных ошибок. Первая — концептуальная подстановка, когда индикатор отождествляется с философским понятием. Вторая — причинная монополизация, когда эффект связывается с одним механизмом при наличии альтернатив. Третья — нормативный перенос от «люди считают так» к «следует считать так». Четвёртая — неоправданное расширение области применимости результата за пределы дизайна и выборки. Пятая — количественный максимализм: предположение, что увеличение объёма данных само по себе устраняет концептуальные и объяснительные проблемы.

Историческое напоминание здесь даёт Мальбранш, критиковавший поспешное обобщение наблюдений и недостаточную фиксацию условий [5, с. 159–160]. Современная версия той же ошибки может быть статистически сложнее, но логически остаётся сходной: высокая точность измерения не компенсирует неясность того, что именно измерено и почему этот результат значим для философского тезиса.

7. Функциональные возможности и пределы эмпирического метода.

Эмпирический метод обладает функциональной, а не абсолютной универсальностью. Он применим там, где аргумент содержит фактическую предпосылку, допускающую наблюдение и корректную операционализацию: о типичности употребления понятия, распространённости интуиции, доверии к источнику или реакции на контекст. Отказ от проверки таких утверждений также методологически уязвим.

Но логическая возможность, нормативная сила основания, критерии рациональности и метафизический статус знания не выводятся из частотного распределения ответов. Методологический плюрализм поэтому означает распределение функций: концептуальный анализ формулирует проблему, эмпирическая процедура проверяет фактические предпосылки, объяснительный анализ связывает эффект с механизмом, а философская аргументация определяет нормативное и теоретическое значение результата.

Заключение.

Проблема экспериментальной эпистемологии состоит не в том, допустимо ли философии пользоваться эмпирическими данными, а в том, какие выводы эти данные позволяют обосновать. Статистически устойчивый результат не является готовым философским тезисом: между ними находятся операционализация, валидность, объяснение и концептуально-нормативная интерпретация.

Двухконтурная модель позволяет разделить надёжность эмпирического результата и его философскую релевантность. Чем больше неопределённостей сохраняется в цепочке «понятие — индикатор — эффект — механизм — философский вывод», тем слабее должна быть формулировка заключения. Такое ограничение силы вывода является не недостатком, а условием методологической добросовестности.

Тем самым эмпирический метод наиболее продуктивен при проверке фактических предпосылок философских аргументов и наиболее ограничен при

попытке заменить данными самостоятельное нормативное обоснование. Перспективой дальнейшей работы является применение предложенной модели к конкретным исследованиям знания, свидетельства, экспертного доверия и практических ставок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зайцева Н.В., Зайцев Д.В. Экспериментальный поворот в философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 931–944. https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-931-944
2. Faust D., Meehl P.E. Using Meta-Scientific Studies to Clarify or Resolve Questions in the Philosophy and History of Science // Philosophy of Science. 2002. Vol. 69, no. S3. P. S185–S196. https://doi.org/10.1086/341845
3. Glackin S.N. Expressive Responding, Experimental Philosophy, and Philosophical Expertise // Review of Philosophy and Psychology. 2024. Vol. 15. P. 909–931. https://doi.org/10.1007/s13164-023-00686-w
4. Li J., Zhu X. Twenty Years of Experimental Philosophy Research // Metaphilosophy. 2023. Vol. 54, no. 1. P. 29–53. https://doi.org/10.1111/meta.12602
5. Malebranche N. The Search after Truth / trans. Lennon T.M., Olscamp P.J. Cambridge: Cambridge University Press, 1997
6. Shepherd J., Justus J. X-Phi and Carnapian Explication // Erkenntnis. 2015. Vol. 80, no. 2. P. 381–402. https://doi.org/10.1007/s10670-014-9648-3
7. Simion M. Resistance to Evidence and the Duty to Believe // Philosophy and Phenomenological Research. 2024. Vol. 108, no. 1. P. 203–216. https://doi.org/10.1111/phpr.12964
8. Wu S. Are Folks Purists or Pragmatic Encroachers? New Discoveries of Relation between Knowledge and Action from Experimental Philosophy // Episteme. 2025. Vol. 22, no. 1. P. 304–332. https://doi.org/10.1017/epi.2023.56

Krylova E.A.
postgraduate student of 3rd year
Department of Philosophy
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
(Nizhny Novgorod, Russia)

LIMITS OF PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF EMPIRICAL DATA IN EPISTEMOLOGY

Abstract: *methodological limits of philosophical interpretation of empirical findings in experimental epistemology are examined. A statistically robust effect is shown not to be equivalent to a philosophical conclusion: operationalization, validity assessment, explanation of underlying mechanisms, and normative argumentation stand between data and a theoretical claim. A dual-track evaluation model is proposed. The empirical-methodological track establishes the reliability of findings, while the conceptual-normative track assesses their philosophical relevance, analysis of competing explanations links the two. Common mistakes in moving from data to philosophical claims are identified. The study concludes that the empirical method is functionally, but not absolutely, universal: it applies to the factual premises of philosophical arguments but cannot replace conceptual and normative justification.*

Keywords: *experimental epistemology, empirical method, operationalization, validity, philosophical interpretation, dual-track model, competing explanations analysis, conceptual justification, normative justification.*